

Рина Рофи

500 лет ожидания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Р51

Рина Рофи
P51 500 лет ожидания / Рина Рофи – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 300 с.

ISBN 978-5-524-02424-4

Не думала, что сон может стать явью..Но он стал..

Все началось с котенка, найденного на дороге, который в последствии оказался белым Лисом...Сначала я думала ,что мой сон - это просто сон...Но, оказывается, это отголоски прошлого, которого я не помню...Но он напомнит мне обо всем, ведь я жена первого вестника Инари.

Что ждет:

- действия в Японии, Киото
- главная героиня мангака
- встреча с миром духов и первым вестником Инари, а так же самой Инари
- перерождение
- любовь сквозь века
- любовь в настоящем мире и мире духов
- маленькие духи-хранители дома, превращающиеся в котят и не только
- первая встреча в мире людей в день цветения сакуры
- юмор, смешные ситуации, романтическая атмосфера японии, без откровенных сцен 18+
- ХЭ

ISBN 978-5-524-02424-4

© Lennex Corp, 2026
© Рина Рофи, 2026

Глава 1. Сон.

Знаете, иногда сны настолько реальны и настолько красивы, что не хочется просыпаться.

За окном Киото живёт своей жизнью — в бешеном, сбивающем дыхание ритме. Где-то там, за тонким стеклом, гудят поезда, звенят велосипедные звонки, стучат каблучки по асфальту. Люди спешат, разговаривают по телефонам, пьют кофе на ходу. Я знаю этот город наизусть. Его запахи, его шум, его вечную спешку. Я и сама часть этого ритма, когда с головой ухожу в работу, сутками не выпуская перо из пальцев, вывожу контуры новых персонажей в блокноте.

Но стоит мне уснуть и реальность отступает.

Там, во сне, расцветают сады. Простираются бесконечные рисовые поля, зелёные и влажные, с отражающимся в воде небом. Шепчутся густые леса, и где-то среди всего этого прячется старинный храм неизвестного бога. Я не знаю, чей он. Никогда не видела такого вживую — только там, в зыбком мире грёз.

И снова, каждую ночь, стоит мне только закрыть глаза, я вижу одну и ту же картину. Один и тот же сюжет. Он стопорится в один и тот же момент — как заезженная пластинка, как старый фильм, застрявший на одном кадре, но эта пластинка уже до боли знакомая. Привычная.

Я знаю этот сон наизусть. И жду его.

Сначала — лёгкий ветерок, пахнущий травой. Потом — земля под босыми ступнями, мягкая и тёплая. Я иду мимо полей с полевыми цветами и яркие мазки красок колышутся вокруг меня: алые, лиловые, золотистые. Касаюсь их пальцами и лепестки вздрагивают. Иду мимо рисовых плантаций, где вода зеркально блестит, отражая облака. Иду вперёд, ведомая смутным, тянущим чувством внутри — туда, к горному лесу.

Наверх ведёт песчаная тропинка. Песок под ногами мягкий, утопающий, но идти легко. Чем дальше я поднимаюсь, тем гуще становится лес, смыкаются кроны деревьев, отсекая солнечный свет. Становится тихо — так тихо, что исчезают даже шорохи. Нет птиц. Нет ветра. Только моё дыхание и мягкий шелест шагов.

А потом я вижу их.

Тории. Красные тории — врата перед храмом. Они тянутся в ряд, одна за другой, уходя вверх, в глубину леса. Ярко-алые на фоне тёмной зелени, они светятся, будто изнутри. Я прохожу под первой аркой, и воздух меняется. Становится гуще. Слаще. Пахнет старым деревом, ладаном и чем-то ещё — чем-то, чему я не знаю названия. Энергия здесь другая. Будто само время замедляется, уступая место чему-то вечному.

Рядом стоят статуи кицунэ — вестников Инари. Лисы.

Они как живые. Не камни, не изваяния, замершие существа. Кто в прыжке, вытянув хвост струной. Кто свернувшись калачиком, положив острую мордочку на лапы. Кажется, моргни и они оживут. Смотрят на меня пустыми, но такими внимательными глазами. Я невольно задерживаю дыхание.

Они знают, что я здесь. Всегда знали.

Прохожу дальше, и вот он сам храм.

Он не похож на храм Фусими Инари. Я видела его десятки раз на фотографиях и вживую. Тот — величественный, шумный, полный туристов и молитв. Этот... другой. Он как будто потерян. Скрыт от посторонних глаз. Или спит глубоко, беспробудно, а я хожу по его сну.

Будто само время замерло в этом месте. Нет ветра, нет звуков, нет движения. Только я и этот храм. Старый, заброшенный, но такой красивый, что щемит сердце. С него слезает краска, дерево потемнело от влаги, но от него веет такой силой, такой древней, глубокой энергетикой, что у меня подкашиваются ноги.

Я подхожу ближе. Ступеньки скрипят под ногами.

Внутри, в полумраке, спиной ко мне стоит мужчина.

Он в каригину — старинном одеянии, и по светлой ткани текут лепестки пламени, вышитые алым и золотым. Длинные белые волосы ниспадают с плеч тяжёлой волной, перетянутые алой лентой. Они почти светятся в темноте храма.

Я замираю. Сердце пропускает удар. Я не могу сказать ни слова. Воздух застревает в горле. Я знаю, что сейчас будет — я видела это столько раз, что могу пересказать по секундам, но каждый раз это как впервые.

Он медленно оборачивается. Я не вижу лица — только силуэт, только движение. И слышу голос — низкий, глубокий, обволакивающий, как лесной туман. Голос, от которого дрожит что-то внутри, в самой глубине, там, где не бывает слов.

— Ты пришла... жена.

И я просыпаюсь.

Всегда на этом моменте. Всегда. Рывком распахиваю глаза, задыхаясь, прижимая ладонь к бешено колотящемуся сердцу. За окном всё тот же Киото — серый, гудящий, живой. На тумбочке вибрирует телефон, оповещая о дедлайне. Я снова в своей квартире. Снова одна. Снова мангака Мэй, у которой горят сроки.

Но я знаю, что завтра ночью я снова пойду по песчаной тропинке. Снова

увидю красные тории и белые волосы, перетянутые алой лентой. Снова услышу его голос.

И может быть, однажды... он скажет что-то ещё.

Я моргаю. Потолок. Моя квартира. Серая, утренняя — или уже не утренняя? — мгла за окном.

Телефон на тумбочке вибрирует. Противно, настойчиво. Я поворачиваю голову, и сонная одурь слетает в один миг. Экран горит непрочитанными сообщениями и пропущенными звонками. Одиннадцать штук. От одного контакта.

Такахаси-сан.

Чёрт.

Я подскакиваю на кровати, хватаю телефон и смотрю на часы. Два часа дня. Два часа! Как?! Я же легла вчера в десять вечера — уставшая, выжатая, мечтающая хоть немного поспать перед сдачей раскадровки. И вот — проспала полдня. Никогда. Никогда со мной такого не было. Я просто... исчезла в этом сне? Растворилась!

Телефон вибрирует снова. Двенадцатый звонок.

Я делаю глубокий вдох, задерживаю дыхание и нажимаю «принять».

— Алло... Такахаси-сан, доброго вам дня, — голос у меня хриплый, сонный, предательски дрожит. Я прочищаю горло и кланяюсь в пустоту, потому что по-другому с редактором нельзя, даже по телефону. — Прошу меня простить... я... я не услышала будильник. Мне нет оправдания.

На том конце тишина. Густая, тяжёлая. Потом сухой вздох.

— Мэй-тян. Ты вообще помнишь, что сегодня крайний срок?

Такахаси-сан — мужчина лет сорока, всегда безупречно вежливый, но умеющий одной интонацией вогнать в землю по самую макушку. Я сжимаюсь, кусая губу.

— Да... конечно помню. Пожалуйста, простите меня, — я снова кланяюсь, телефон прижат к уху. — Это полностью моя вина. Я уже работаю. Через два часа пришлю всё на почту.

— Через час, Мэй-тян. Типография не ждёт.

— Да. Пожалуйста, берегите себя в это время года, — я машинально произношу вежливую формулу заботы о здоровье, всё ещё кланяясь невидимому собеседнику.

Он смягчается. Чуть-чуть. Я слышу это по тону.

— Ладно. Жду файлы. И пожалуйста, Мэй-тян... не заставляй меня сидеть раньше времени.

— Да... спасибо вам большое, Такахаси-сан.

Отбой.

Я роняю телефон на кровать и падаю лицом в подушку. Сердце всё ещё колотится. Не от звонка — от сна. От голоса. От этого «жена». Кто он? Что это за храм? И почему я сплю полдня и не могу проснуться, будто сон не хочет меня отпускать?

Трясу головой. Работа. Сначала работа, Мэй. Потом ты сойдёшь с ума.

Я поплелась на кухню, включила чайник, открыла блокнот с раскадровкой. Чистый лист смотрит на меня с укором. Я беру перо, макаю в тушь. И замираю.

Потому что рука сама выводит не диалог из манги. Не сцену очередной главы.

Она выводит контур лисьих ушей. И алую ленту в длинных белых волосах.

Глава 2. Реальность

За окном была весна.

Она вползала в мою квартиру запахом влажной земли и чего-то сладкого, цветочного, едва уловимого. Ещё неделя и зацветёт сакура. Киото накроет розовой пеной и весь город выйдет на ханами. Я обожала это время, когда лепестки кружатся в воздухе, как розовый снег, а люди достают бэнто и бутылки с сакэ, усаживаясь на синих брезентовых пледах под деревьями.

А ещё весной фестиваль в храме кицунэ.

Я думала о нём, машинально водя кисточкой по бумаге. Лисьи уши на наброске получались слишком чёткими. Я убрала кисточку в сторону и потянулась до хруста в спине.

Фестиваль кицунэ... В этом году он выпадал на начало апреля. Я ходила туда в прошлом году одна, с блокнотом в рюкзаке и камерой на телефоне. Мне нужны были референсы для манги про духов-хранителей, и лисий храм казался идеальным источником вдохновения. Красные тории, статуи лис — сотни каменных кицунэ с хитрыми мордами и красными фартуками. Запах благовоний, жареного моти, девушки в юкатах с лисьими масками, дети с барабанами и фонари — оранжевые огоньки вдоль аллеи торий, похожие на светящиеся лисьи глаза.

Надо сходить и в этом году и заодно развеяться, а то я совсем заработалась. Последний месяц — сплошные дедлайны, кофе и бессонные ночи. Ничего удивительного, что снятся такие яркие сны. Мозг просто перерабатывал всё, что я видела и читала за последнее время.

Кицунэ, храмы, старинные одежды — я же мангака, у меня в голове целая библиотека визуальных образов. Плюс я реально фанатела от всего, что связано с лисами. У меня дома целая полка с фигурками, масками и старыми книжками про лис-оборотней. Неудивительно, что подсознание подкидывало такие картинки. Даже персонаж интересный получился — мужчина в каригину с белыми волосами и алым узором пламени. Надо записать в блокнот, пока не забыла. Вдруг пригодится для нового сюжета.

Я взяла телефон и открыла календарь. Фестиваль через 10 дней. Отлично. Как раз успею сдать текущую главу Такахаси-сану и освободить себе день.

Может, Харуку позвать? Она давно жаловалась, что я мало выхожу из дома. Посмеёмся, поедим уличной еды, я сделаю пару зарисовок. Просто хороший весенний день.

Я отпила уже остывший чай и вернулась к работе. Набросок с лисьими ушами перевернула чистой стороной. Сначала раскадровка. Потом всё остальное.

Глава 3. Кадр, достойный пера

Я наконец-то выслала раскадровку. Позже, чем поанировала...Пальцы ещё дрожали над клавиатурой, когда я нажала «отправить» и откинулась на спинку стула. Всё. Готово. Такахаси-сан получит файлы и, надеюсь, не убьёт меня за опоздание.

Старая манга шла тяжело. Очень тяжело.

Я вела её уже третий год. История про студентку художественного колледжа и её соседа по общежитию — романтика, повседневность, бытовые зарисовки. Фанаты любили её. По выходным я получала письма от читателей, видела фан-арт в соцсетях, на фестивалях ко мне выстраивалась очередь за автографами. Им нравилась эта история. Они ждали каждую новую главу, переживали за героев, писали трогательные отзывы.

А у меня как отрезало.

Я смотрела на чистый лист — и не чувствовала ничего. Ни азарта, ни волнения, ни желания узнать, что будет дальше с моими персонажами. Просто пустота. Они там встречались, ссорились, мирились, ходили в кафе, говорили какие-то слова... А я сидела и думала: зачем? Кому это интересно? Мне — уже нет.

Бытовуху писать — скучно.

Пусть и с рейтингом восемнадцать плюс. Постельные сцены, страсти, всё как полагается. Но это не спасало. Откровенные сцены можно рисовать красиво, технично, но если за ними нет ничего — какой смысл?

Я потянулась к кружке с остывшим чаем, сделала глоток и поморщилась. Холодный. Как и мой энтузиазм к старой манге.

На столе всё ещё лежал перевёрнутый набросок с лисьими ушами. Я перевернула его обратно. Посмотрела на тонкие линии. Потом достала чистый лист и быстро, почти не задумываясь, набросала ещё один эскиз. Красные тории, уходящие вверх. Силуэт мужчины спиной. Длинные белые волосы. Каригину с лепестками пламени.

Вот оно. Вот что меня заводит. Вот что заставляет сердце биться быстрее.

Надо поговорить с Такахаси-саном. Серьёзно. Не по телефону — лично. Пусть поставит меня на фантастику. Тем более и сюжет уже есть.

Я взяла телефон и открыла чат с редактором. Пальцы зависли над экраном. Такахаси-сан только что получил от меня задержанную раскадровку, а я уже собираюсь грузить его новой идеей. Не лучший тайминг, Мэй. Не лучший.

Но если не сейчас, то когда? Я так больше не могу. Ещё одна глава про свидания, ссоры и совместные походы в супермаркет и я просто сойду с ума. Или вообще брошу рисовать.

Набрала сообщение коротко, без деталей:

«Такахаси-сан, спасибо за ожидание. Файлы отправила. Есть важный разговор. Можно завтра зайти в редакцию?»

Отправила.

Сердце колотилось. Я снова посмотрела на набросок с ториями и беловолосым мужчиной. Лисья нечисть. Храмы. Зброшенные святилища. Духи, боги, грань между сном и явью. Вот что мне интересно. Вот что я хочу рисовать. В конце концов, если твой собственный сон подкидывает тебе готовый сюжет, грех не воспользоваться.

Телефон пикинул. Ответ от Такахаси-сана:

«Получил. Завтра в три. И да, Мэй-тян... последняя глава была откровенно сухой. Ты сама это знаешь. Жду объяснений.»

Я вздохнула. Он прав. Он всегда прав.

Завтра в три. Значит, у меня есть время привести мысли в порядок и подготовить питч для нового проекта. А может... может, и новые наброски показать.

Я потянулась, встала из-за стола и подошла к окну. Закатное солнце красило крыши Киото в оранжевый. Где-то там, в горах, стоял храм из моего сна.

Я заглянула в холодильник. В нём мышь повесилась. Не буквально, конечно, но пусто было именно так: одинокая упаковка натто сиротливо жалась к стенке, в ящике для овощей завалялся подсохший имбирь, а на дверце сиротливо позвякивала полупустая бутылка соевого соуса. Всё. Ни яиц, ни риса готового, ни остатков вчерашнего ужина. Даже лапши быстрого приготовления не осталось.

Чёрт.

Я закрыла дверцу и привалилась лбом к прохладному пластику. Желудок напомнил о себе жалобным урчанием. Есть хотелось, а рисовать на голодный желудок — то ещё удовольствие. Придётся идти в магазинчик. Я натянула толстовку, сунула ноги в кроссовки и вышла за дверь.

Квартиру я снимала у доброго старичка по имени Ямада-сан. Ему было под восемьдесят, он жил в основном доме, а флигель с отдельным входом сдавал за символическую плату. Место оказалось практически на окраине, почти рядом с лесом. Тишина. Покой. Никаких тебе шумных соседей, лающих собак, грохочущих поездов, только ветер в кронах деревьев, шорох

листвы и далёкое пение птиц.

Красиво.

Я остановилась на крыльце и вдохнула полной грудью. Вечерний воздух пах хвоей и чем-то сладким — кажется, зацветали первые кустарники. Узкая улочка уходила вниз по склону холма, петляя между старыми домами. Фонари уже начинали загораться. Где-то вдалеке темнела полоса леса густого, древнего, подступающего почти вплотную к заднему двору.

Одиноко, конечно, но это то, что нужно для вдохновения. Я всегда так говорила. В Токио, где я жила раньше, было слишком шумно, слишком много людей, слишком много отвлекающих факторов. Здесь, на окраине Киото, в старом флигеле с деревянными полами и видом на лес, думалось лучше. И рисовалось лучше. По крайней мере, так было раньше, до того, как старая манга начала высасывать из меня душу.

Я зашагала вниз по улице. Магазины «У Судзуки» работали допоздна — маленький семейный бизнес, где продавали всё: от свежих онигири до батареек и моющих средств. Хозяйка, Судзуки-сан, знала меня в лицо и всегда делала скидку на просроченный моти.

Лес шумел справа. Тёмный, влажный, полный теней. Я бросила взгляд в его сторону — просто так, без задней мысли. И замерла на полшага. Между стволов мелькнуло что-то белое.

Я прищурилась. Ничего. Только ветки покачиваются. Только тени сгущаются.

Показалось.

Я тряхнула головой и пошла дальше, сунув руки в карманы толстовки. Вот до чего доводит работа на износ - уже белые пятна в лесу мерещатся. Надо поесть. Надо выспаться. И ни в коем случае не думать о лисьих ушах и алых лентах.

Магазинчик «У Судзуки» встретил меня тёплым жёлтым светом и привычным дребезжанием колокольчика над дверью. Пахло свежей выпечкой и старыми деревянными полками. Я схватила корзинку и пошла вдоль рядов.

Набрала всего и побольше. Онигири с лососем и с умэбоси про запас, в холодильник. Упаковку лапши быстрого приготовления на крайний случай, когда лень готовить. Свежие яйца, рис в пакете, тофу, зелёный лук, овощи для быстрого приготовления. Ещё взяла пачку любимых рисовых крекеров и шоколадку для настроения.

И соджу. Бутылку холодного, прямо из холодильника у кассы - для творческого настроения.

Судзуки-сан, хозяйка, пробила товары, поправила очки и улыбнулась.

— Мэй-тян, ты сегодня поздно. Заработалась опять?

— Ага, — я выдохнула, доставая кошелёк. — Дедлайн горел. Пришлось гнать раскадровку.

— Молодёжь, — покачала она головой. — Совсем себя не бережёте. Купила бы хоть нормальной еды, а не лапшу эту.

— Я и нормальной купила, — я кивнула на пакет с овощами.

— Вижу-вижу. Соджу — это тоже нормальная еда, да?

— Для вдохновения, Судзуки-сан. Исключительно для работы.

Она рассмеялась и протянула мне сдачу. Я поблагодарила, подхватила пакеты и вышла в прохладный весенний вечер.

Назад шла медленнее — пакеты оттягивали руки. Лес справа стоял тёмный и спокойный. Никаких белых пятен, никаких теней. Обычный лес. Обычный вечер. Я даже улыбнулась сама себе — вот дура, мерещится всякое.

Дома разобрала покупки, загрузила рис в рисоварку, овощи отправила в холодильник. Соджу поставила на стол. Посмотрела на бутылку. Потом на блокнот с раскадровкой. Потом снова на бутылку.

Старая манга. Бытовуха. Студентка и её сосед.

Я села за стол, открыла соджу, налила в стакан. Сделала глоток. Холодная, чуть сладковатая, обжигающая.

Может, если немного расслабиться, старая манга наконец взорвётся цветом и эмоциями? Может, я просто слишком зажата, слишком устала, слишком давлю на себя? Может, ей просто не хватает... огня?

Я сделала ещё глоток. Потом взяла перо.

И начала рисовать.

Не раскадровку. Просто — для себя. Пусть рука идёт, куда хочет. Пусть линии будут свободными, пусть эмоции льются через край. Соджу приятно согревал изнутри и впервые за долгое время я чувствовала, как уходит напряжение из плеч. Как отпускает.

Завтра в три — разговор с Такахаси-саном. Завтра я скажу ему, что хочу фантастику. Что старая манга больше не моя. Что у меня есть новая идея, и она гораздо сильнее.

А сегодня...

Сегодня я просто порисую. Для души. Под соджу и шорох весеннего ветра за окном.

За окном что-то бухнуло.

Я вздрогнула, чуть не опрокинув стакан с соджу. Звук был глухой, далёкий, но ощутимый — будто где-то тяжело ухнуло железо о железо. Я прислушалась. Тишина. Только ветер шумит в кронах.

Я нацепила халат поверх домашней футболки и вышла на крыльцо.

Ничего. Абсолютно ничего. Двор пустой, фонарь у калитки горит ровным жёлтым светом, кусты сирени колышутся от ветра. Я поёжилась - весенний вечер всё-таки прохладный. Уже собралась возвращаться, когда заметила свет.

Там, в стороне железной дороги, что-то светилось. Ярко, неестественно ярко для этого времени. Видать, на железной дороге что-то случилось.

Я сунула ноги в тапочки и пошла посмотреть.

Сюжеты есть везде, главное увидеть их. Так я всегда говорила. Вдруг там что-то интересное, а я не посмотрю? Да-да, знаю, любопытство — враг, но я же чуть-чуть. Только гляну одним глазком и сразу обратно.

Я спустилась по склону. Тапочки скользили по влажной траве, приходилось идти осторожно. Огляделась — никого. Улочка пустая, окна соседних домов тёмные. Я пошла дальше.

Железная дорога со скоростными поездами была примерно в километре от моего дома. Днём туда можно было дойти за пятнадцать минут по тропинке через рощу, ночью — чуть дольше. Обычно мерный стук колёс здорово убаюкивал, особенно когда я рисовала допоздна и ложилась под утро. Ритмичный, успокаивающий перестук. Сейчас его не было

слышно. Тишина стояла такая, что звенело в ушах.

Свет от станции становился ярче.

Я прошла мимо закрытого ларька с напитками, обогнула старый указатель и вышла к путям.

И замерла.

На рельсах стоял какой-то странный вагон. Нет, не вагон — целый поезд. С паровозом. Я нахмурилась. Может, новая модель? Какая-нибудь ретро-серия для туристов? Или спецсостав, который гоняют по ночам для тестов?

Но выглядел он... необычно. Слишком старый. Слишком настоящий. Чёрный металл, поблёскивающий в свете станционных фонарей. Медные поручни. Деревянная обшивка. Никаких электронных табло, никаких современных опознавательных знаков. Просто поезд. Просто старый паровоз, который будто сошёл с картинки в учебнике истории.

Я стояла и смотрела. Двери открыты. Свет внутри горит мягкий, тёплый. И